

ПРОЩАЯСЬ С МЭТРОМ: Памяти Жоржа Дюби

Чем ближе конец нашего столетия, тем настойчивее потребность осмыслить роль, сыгранную в нем теми, чьи имена этот век как бы олицетворяют. Что бы ни говорили об условности вековых хронологических граней и в частности грани XX и XXI вв., преодолеть их магию почти невозможно, особенно тем, кто и сам чувствует себя человеком завершающегося столетия. И возникает естественное стремление подвести некоторую черту и задуматься над смыслом достигнутого в уходящем веке и над судьбами его наследия в веке будущем...

В полной мере потребность в таком осмыслении напрашивается в связи с кончиной едва ли не самого известного французского историка нашего времени Жоржа Дюби. Его знали далеко не только специалисты и далеко за пределами его родины. В течение последних 40 лет его многочисленные монографии, исследовательские статьи, коллективные труды под его редакцией, интервью переводились на все европейские языки и становились известны в разных странах почти одновременно с публикациями во Франции. Телепередачи с его участием систематически транслировались на всю Европу и сам он долгое время возглавлял одну из общеевропейских телевизионных программ по проблемам мировой культуры. Более 20 лет проработал он профессором самого престижного научного учреждения Франции – Коллеж де Франс, где его публичные лекции неизменно пользовались феноменальной популярностью среди парижан и приезжих. Он был избран членом едва ли не всех европейских академий (исключая, как водится, российскую). На известие о его смерти, последовавшей 3 декабря 1996 г. на 78-ом году жизни, откликнулись почти все французские и некоторые иностранные газеты, поместив не только краткие некрологи, но и пространные статьи с анализом его идей и гипотез. Все это, на первый взгляд, тем более удивительно, что труды Дюби – отнюдь не легкое “чтиво”, они требуют напряженной работы мысли, да и посвящены они в большинстве своем относительно узкому хронологическому периоду – XI и XIII вв., достаточно удаленному от нашего времени, чтобы можно было объяснить широкий резонанс публикаций Дюби дешевой конъюнктурой.

Что же позволило скромному профессору провинциального университета в Эксе – не *normalien* и не *chartist*!^{*}, к тому же долгое время подчеркнуто ди-

---

* *Normalien* – выпускник Парижской *Ecole normale supérieure* – высшего учебного заведения, обеспечивающего кадрами политическую и научную элиту Франции; *chartist* – выпускник Парижской *Ecole des chartes*, которая готовит специалистов по изучению древних и средневековых текстов.

станционировавшемуся от парижских “центров влияния” – вознестись на такую высоту и надолго завоевать непререкаемый авторитет? Развернутый ответ на этот вопрос дадут специальные исследования творчества Дюби, которые начали появляться уже при его жизни, но которые несомненно умножатся в будущем. Я ограничусь здесь несколькими предварительными соображениями, возникающими сегодня, спустя лишь месяц после его кончины.

Решительно все, высказывавшиеся о трудах Дюби, отмечают его исключительный литературный дар. Действительно, сколь бы ни был специальным исследовавшийся им сюжет, Дюби удавалось говорить о нем столь ярко, четко, образно и *многопланово*, что читатель – будь-то специалист или же просто любитель – равно испытывал наслаждение от знакомства с прочитанным. К концу своего творческого пути Дюби фактически создал новый жанр книг о прошлом. Обращенные одновременно к самым разным категориям читающей публики, свободные от атрибутов внешней наукообразности (хотя и поддающиеся самой строгой верификации), его исследования последних лет в известном смысле противостоят строго академическим трудам прошлых десятилетий: они до предела насыщены чувствами и страстями, они написаны “от первого лица” не только по форме, но и в самом прямом смысле этого выражения; острая интеллектуальная интрига совмещается в них с не менее острой интригой фабульной, их отличает редкостная образность. (Я имею в виду в частности трилогию Дюби, посвященную женщинам XII в., его книгу о беседах с польским историком и политическим деятелем Брониславом Геремekom, так же как и чуть более раннюю его работу о Гийоме Марешале). Эти книги отвечают как требованиям исторической науки, так и многим критериям высокой литературы. Не случайно Дюби был избран членом не только той французской Академии, в которую обычно избирают историков-исследователей, но и той, членами которой могут стать лишь выдающиеся писатели.

И все же, на мой взгляд, объяснение “феномена Дюби” скрыто отнюдь не в литературном таланте автора и не только в литературных достоинствах его трудов. Оно неразрывно связано с коренными чертами исследовательских подходов Дюби, широко распространившихся ныне в самой Франции и за ее пределами, подходов, по которым, я полагаю, будет в первую очередь судить Дюби и следующий век. Речь идет прежде всего *о рассмотрении прошлого сквозь призму образов, моделей и суждений, характерных для людей изучаемого времени*. В глазах многих историков этот подход выглядит сегодня столь естественным и даже обычным, что самая попытка связать его с деятельностью какого бы то ни было отдельного ученого может показаться чуть ли не наивной. Действительно, идея такого подхода витала в науке со времен Эмиля Дюркгейма, если не раньше. Но одно дело – идея некоторого метода, и совсем другое – его реализация. Заслуга таковой во многом принадлежит именно Дюби.

Развернутое подтверждение этой мысли потребовало бы анализа не только главных эталов в творчестве самого Дюби (1953–1963; 1963–1973; 1973–1983; 1983–1996), но и последовательного сопоставления высказы-

вавшихся им в разное время соображений с ведущими историографическими идеями того или иного периода. Но и до того, как это будет сделано, можно найти немало подтверждений высказанному тезису, особенно в более поздних работах Дюби. “Люди определяют способ своего поведения, исходя не из реальных условий своего существования, но из своего видения этих условий, каковое никогда не отражает их адекватно”. Это положение, особенно четко сформулированное Дюби в 1974 г. (и “принятое на вооружение” многими историками как во Франции, так и за ее пределами), по существу определило своеобразие его важнейших трудов. В центре внимания в них находится свойственная людям того или иного времени “система образов, суждений и представлений”, “матриц мышления и психологических подходов”, различавшихся в разных “социальных средах”, и изменявшихся в разном ритме на “разных уровнях культуры”. Поведенческие стереотипы, характерные для той или иной эпохи, рассматриваются Дюби как складывающиеся в результате преломления конкретных условий человеческого существования сквозь призму всех подобных моделей мировидения.

Термин “ментальности”, которым Дюби обозначал в своих ранних работах “размытый” комплекс этих моделей – “невыговоренных, неосознанных и обволакивающих ясную мысль” – и который казался ему одно время подходящим благодаря «акценту на непосредственную связь духовного начала в человеке с его “телом” и материальным субстратом вообще», впоследствии признается им неудовлетворительным и заменяется терминами “представления” (representations) или “воображаемое” (imaginaire). В этом, в частности, отражалась эволюция некоторых принципиальных воззрений Дюби, который стал все чаще подчеркивать, что в “человеческих обществах вообще и в традиционалистских обществах в особенности” сфера идеального играла самостоятельную роль и потому заслуживает гораздо большего внимания, чем он, Дюби, уделял ей в ранних своих работах, следуя заветам многих предшественников, включая, как подчеркивает сам Дюби, и Шарля Перена, и Марка Блока. Тем не менее абсолютизацию этой сферы Дюби считает недопустимой. Возврат к былой *Geistesgeschichte* представляется ему бесплодным. Любой односторонности в исследовании прошлого Дюби противопоставляет анализ взаимодействия или, по крайней мере, корреляции всех общественных феноменов, совокупность которых в каждый данный момент составляет единое целое.

Реализуя обретенный им подход к прошлому, Дюби смог открыть читателям своих трудов новые глубины в понимании целого ряда средневековых (и не только средневековых!) феноменов. Особенно известны его новаторские работы по изучению родственных структур, отношений между полами и между возрастными классами, взаимосвязей внутри одного и того же разряда социальной иерархии, не говоря уже о предложенной им новой трактовке средневековой сеньории, королевской власти и развития французского общества в эпоху средневековья в целом. Все эти достижения стали возможны во многом благодаря переосмыслению изучав-

шихся Дюби явлений под углом зрения видения средневековых людей, обладавших принципиально своеобразными представлениями о должном и запретном, о достойном и позорном, о сакральном и профанном. В общем, в центре внимания исследователя оказались живые и одухотворенные люди, их восприятие, мотивы их действий, их своеобразный облик, их непривычная для нас система ценностей, их неожиданные, на современный взгляд, стереотипы поведения. Благодаря примененным Дюби подходам историческому анализу стали доступны даже такие в принципе запретные для постороннего взгляда сюжеты, как частная жизнь, секс, сфера мечтаний. Пределы осмысления человека прошлого принципиально расширились. История обрела подлинно *человеческое* измерение.

Но чтобы оставаться при этом *социальной* дисциплиной, нацеленной на изучение важнейших пертурбаций в обществе в целом – а не исключительных случаев, происшедших с отдельными людьми – история, как полагает Дюби, должна уделять главное внимание именно групповым, коллективным стереотипам восприятия и поведения. Поэтому одним из принципов своего анализа он называл нацеленность на исследование императивов и поведенческих традиций, присущих всем членам той или иной микрогруппы. Изучение индивида как такового, писал Дюби в одной из своих работ 1991 г., не представляется самоцелью: оно есть средство охарактеризовать общество, в котором этот индивид функционирует.

Не трудно заметить, что отстаивая этот ракурс анализа, Дюби в конечном счете продолжал и развивал конкретно-исторический подход, продемонстрированный Марком Блоком еще в 20-е годы. Именно Блоку принадлежат первые опыты разработки истории массовых представлений, непосредственно детерминировавших поведение людей и во многом характеризовавших собой своеобразие духовной культуры общества. Не оцененные должным образом в момент своего появления, эти опыты Блока нашли в трудах Дюби и его коллег блестящее продолжение, обеспечив в 50–80-е годы успех всего историографического направления. Именно с ним было в свое время связано и рождение “Одиссея”. Я смею думать, что и следующий век не откажется от этого общего подхода к прошлому, подчиняющего исторический анализ исследованию активной жизнедеятельности человека.

Мне думается, что то же самое можно сказать и о некоторых других исследовательских подходах, использованных в самых последних работах Дюби. В первую очередь я бы упомянул здесь о концентрации внимания на деятельности отдельных исторических персонажей. В трилогии “Дамы XII в.”, вышедшей в 1995–1996 гг., да и в некоторых предыдущих исследованиях и эссе, Дюби и имплицитно, и эксплицитно обращает внимание читателя не только на то, в какой мере отдельные действующие в его исследовании лица воплощают групповые императивы, но и на то, насколько каждое из них противостоит привычным стереотипам. Автора все более интересует специфичное, а не общее в изучаемых им людях.

Строго говоря, о принципиальной возможности раскрытия роли индивидуального в истории Дюби вполне определенно высказывался и

раньше. Еще в 1974 г. он подчеркивал, что изучение массовых представлений и их роли в определении человеческого поведения можно рассматривать лишь как средство уяснить возможности влияния на историю, сохранившиеся в тот или иной период у отдельных личностей, т.е. как способ определить меру свободы, которую оставляли этим последним общепринятые установки. Однако тогда Дюби исходил из того, что при углублении в отдаленное прошлое добраться до отдельной личности становится практически невозможным: она как бы исчезает в безликой массе. Поэтому в конкретных исследованиях главное внимание автора долгое время концентрировалось на том, какие именно поведенческие *стереотипы* проступали сквозь индивидуальное поведение персонажа, будь-то монах Рауль Глабер, рыцарь Гийом Марешаль или король Филипп I. Отличие самых последних работ – в “переворачивании” этой постановки проблемы: Дюби привлекает внимание читателя к тому, насколько нестандартным, из ряда вон выходящим было поведение исследуемых им лиц и как это воспринималось привычными к рутине окружающими людьми. Новые исследования сделали хотя бы отчасти реальным то, что раньше казалось вовсе неосуществимым. Именно сквозь конкретных персонажей – и не только “великих” – осмысливает, например, Дюби роль и функции женщины в суровом общественном климате XII в. И хотя Дюби, избегающий в конкретных исследованиях слишком общих рассуждений, не связанных с основным сюжетом, не привлекает внимания читателя к изменению своего исследовательского ракурса, его методологическую важность не приходится недооценивать. Вместо логического подчинения казуального массовому, автор переносит центр внимания на уникальность казуального. Тем самым читателя как бы приглашают размышлять о возможности для отдельного человека отклониться от стереотипа, уйти от принятого стандарта и о последствиях этого для самого такого стандарта. Сможет ли XXI век обойтись без обсуждения этой проблематики? Удастся ли раскрыть своеобразие ушедших эпох в этом отношении?

В любом, однако, случае можно не сомневаться, что научное наследие Жоржа Дюби не раз станет в будущем предметом раздумий и дискуссий. Его труды – своего рода знамение конца XX в. и перехода в следующее тысячелетие.

Будучи человеком с высоким чувством гражданской ответственности, Жорж Дюби отличался подчеркнутой независимостью не только научных, но и политических суждений. В худшие времена “холодной войны” он не стеснялся подчеркивать свое позитивное отношение к некоторым научным идеям Маркса и подчас, как он это позднее вспоминал, нарочито элатировал конформистов использованием марксистской терминологии. Не отказался он от признания плодотворности отдельных марксистских подходов и впоследствии, когда шельмование всего, что связано с этой доктриной, стало модой. Но не менее открыто высказывался Дюби против “политической практики” марксизма в бывшем СССР. Приглашенный участвовать в 1970 г. в Международном конгрессе историков в Москве, он демонстративно отказался приехать – в знак протеста против

оккупации Чехословакии и выступил с публичным заявлением по этому поводу. Столь же демонстративно Дюби приехал в Москву после крушения “железного занавеса” и отметил в ней свое 70-летие. Впоследствии он еще раз посетил Россию, выступив с докладами и лекциями в академических институтах и университетах. С радостью встретил Дюби появление “Одиссея” и трижды публиковался на его страницах.

...Впервые мы обменялись письмами с Дюби в 1958 г. Лишь 31 год спустя я смог воспользоваться приглашением Дюби приехать во Францию. Меня поразили простота и открытость этого незаурядного человека. Не забыть прогулки с ним по Парижу, Марселю и Эксу, “разговоры запросто” о ментальностях, о “мире воображаемого”, о проблемах России и Франции, о судьбах исторической науки и ее будущем – там, за горизонтом, в следующем веке...

Ю.Л. Бессмертный